

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на материале французского языка)

Купина Н.И.
Белгород

Связь между объективными условиями жизни и её конкретными материальными, социальными и моральными сторонами, неизбежно находит свое выражение в языке и, в частности, во фразеологии. Фразеологизмы в обобщенном виде описывают свойства людей и явлений, характер действий, дают им оценку. Лежащий в основе фразеологизмов образный перенос делает их яркими и эмоционально окрашенными, обеспечивая тем самым, высокую степень интеллектуального и эмоционального воздействия.

Фразеология любого языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается национальная культура, история говорящего на нем народа, его мысли и менталитет. Поэтому в каждом языке она (фразеология) имеет особые формы выражения, а фразеологические единицы (ФЕ) представляют собой «своеобразные константы» мировидения и миропонимания и возвышаются до степени культурного знака» (Ковшова, 1996: 4).

Основная информация, связанная с национальным и культурным компонентом значения, содержится во внутренней форме фразеологизма и тесно связана с параметром денотации (Телия, 1991). Понятие внутренней формы, введенное А.А.Потебней (Потебня, 1892), получило затем свой развитие в работах П.Н.Ларина (Ларин, 1927), а Г.О.Винокур (Винокур, 1990), пишет, что «...внутренняя форма есть отношение трех одновременно актуальных семиотических систем: денотативной (прямое значение), коннотативной (поэтическое значение) и метаязыковой (рефлексивное значение)» (Винокур, 1990: 327). Фразеологизмы, выступающие в качестве сложного знака, лишены прямого «вещественного (денотативного) фона», а объем информации (сигнификативный аспект) заключен в интерпретации, оценке того или иного факта реальности, в которую включаются разные психологические наслоения, эмоциональные оценки, прагматические характеристики и т.д. (Телия, 1996: 42). Иначе говоря, именно вне денотата сосредоточены те ассоциативно-образные коннотации, которые придают каждому фразеологизму совершенно уникальный семантический результат – фразеологическое значение, т.е. фразеологизмы в большей степени различаются по коннотативному значению, непосредственно связанному с ассоциативно-образным содержанием их внутренней формы. О.Н.Селиверстова (1975), А.М.Кузнецов (1980) также обращались к понятию внутренней формы как к «образному основанию фразеологизма», усматривая в ней источник экспрессивно-стилистической окраски значения и культурно-национальной специфики.

Анализ лингвистической литературы позволяет выделить два подхода к определению внутренней формы фразеологической единицы: лингвистический и психологический. Нас интересует, прежде всего, лингвистический подход, согласно которому внутренняя форма понимается как связь значения ФЕ с пря-

мыми значениями её компонентов. Так, А.В.Кунин пишет: «Внутренняя форма ФЕ – это совокупность буквальных значений её компонентов, обозначающих признак или признаки наименования в структуре фразеологического значения (ФЗ), связанная с ним деривационными отношениями» (Кунин, 1996: 55). Внутреннюю форму фразеологизма А.В.Кунин определяет как «мотивирующую образность языковой единицы, это значение её прототипа, с которым фразеологическое значение связано деривационными отношениями» (Кунин, 1996: 173). Рассмотрим для примера внутреннюю форму фразеологизма *mettre (se mettre) en boule* ‘приводить (приходить) в ярость’. В его основе лежит, возможно, образное сравнение с некоторыми животными (ёж, кошка), которые собираются в клубок, когда им угрожает опасность, т.о. внутренняя форма подобных ФЕ очевидна и прозрачна (Le Robert, 1991: 112).

При определении внутренней формы фразеологизма мы примем точку зрения В.Г.Гака, согласно которой она (внутренняя форма) определяется той чертой объекта, которая кладется в основу наименования (Гак, 1981). Синтаксической основой ФЕ, как правило, является словосочетание, которое обозначает не простой объект, а ситуацию. Поэтому внутренней формой фразеологизма следует считать тот аспект ситуации, который обозначает одну из её логико-семантических сторон, на базе которой и возникает значение той или иной фразеологической единицы. Н.Н.Кириллова, именуя данный логико-семантический аспект ситуации префразеологическим, называет его внутренней формой ФЕ (Кириллова, 1986: 85-86), что не противоречит приведенному выше высказыванию В.Г.Гака. Внутренняя форма присуща лишь тем фразеологизмам, которые могут быть наложены на свободное словосочетание того же лексического состава и на его фоне дают семантический и метафорический эффект. Например, *découvrir le pot aux roses* ‘раскрыть тайну’, *répondre en Normand* ‘ответить уклончиво’, *manger le morceau* ‘выдать своих сообщников’, *une bonne tête* ‘разумный, серьезный человек’, *les robes noires* ‘служители церкви’ и т.д. Общее значение таких фразеологизмов не выводится из значений компонентов, а мотивируется внутренним образом, который и подлежит расшифровке. По мнению А.Г.Назаряна, внутренняя форма фразеологизма находится в семантической структуре ФЕ и во многом предопределяет её семантическую эволюцию (Назарян, 1987: 156). Иными словами, можно сказать, что внутренняя форма, предопределяя семантическое развитие фразеологизма, сама по себе не способна выступать в качестве смысловозначительного признака фразеологического значения. Фразеологическое значение возникает в результате метафорического переосмысления того словосочетания, которое формирует внутренний образ фразеологизма, его внутреннюю форму. Так, например, при определении значения фразеологизма *soleil de janvier* (разг.) ‘размазня, шляпа, безвольный человек’, слова *soleil* и *janvier* в данной ФЕ не актуализируют своих прямых, первичных значений. А при определении фразеологизма *hirondelle d’hiver* ‘продавец каштанов (в Париже)’ слова *hirondelle* ‘ласточка’ и *hiver* ‘зима’ не сочетаются. То обстоятельство, что внутренняя форма имеет словесную основу, а не компонентную, еще не означает, будто она (внутренняя форма) находится лишь на глубине «совмещенной стадии», когда ФЕ характеризуется как бы двойным

планом (Жуков, 1986). Наличие в языке единиц, характеризующихся двойным планом, предполагает функционирование единиц, не имеющих такового. Двойным планом отличаются лишь пословицы типа *la faim fait sortir le loup du bois*, а фразеологизмы лишены такой особенности: они не могут одновременно употребляться и в буквальном и переносном значении. При употреблении в буквальном значении фразеологизмы становятся качественно новыми образованиями – свободными словосочетаниями такого же лексического состава.

Изучение внутренней формы ФЕ показало, что она имеет три функции: генетическую, мотивирующую и стилистическую.

Н.Н.Кириллова считает, что генетическая функция ФЕ заключается в том, что внутренняя форма является постоянным источником существования ФЕ и проявляется не только в создании новых фразеологизмов, но и в новых значениях существующих ФЕ, что приводит к образованию полисемии (Кириллова, 1986: 86-87). Во французском языке, как и в любом другом, существуют ФЕ, имеющие одно значение, и ФЕ, обладающие полисемичностью. Последние, в свою очередь, делятся на фразеологизмы с последовательной и параллельной полисемией.

Приведем примеры фразеологизмов, которые имеют одно значение при одной внутренней форме. Сравним: *compter les clous de la porte* (разг.) ‘долго дожидаться (под дверью)’, *ventre paresseux* ‘лежебока’, *houille verte* ‘белый уголь (энергия рек)’, *veuve Razibus* (арго) ‘гильотина’, *vin de l'oreille* ‘отличное вино’.

В ФЕ с последовательной полисемией одна внутренняя форма порождает несколько значений. Возьмем в качестве примера ФЕ *la couper à qn*: имеет значения: 1) ‘грубо оборвать’, ‘заткнуть рот’; 2) ‘ошеломить’, ‘огорошить’. Первое значение возникло на базе свободного словосочетания *couper la parole à qn*, второе же является результатом переосмысления первого значения: прервали речь кого-то таким образом, что тот был попросту ошеломлен. Подобную ситуацию мы наблюдаем в ФЕ *avoir le feu au derrière*, которая имеет значения 1) ‘спешить, торопиться’, 2) ‘действовать опрометчиво’, где второе значение также является результатом переосмысления первого.

В ФЕ с параллельной полисемией каждое значение имеет свою внутреннюю форму. Сравним: ФЕ *mettre dans un beau jour* имеет значения: 1) ‘выставить в благоприятном свете’; 2) ‘пролить свет на что-либо’, ‘изложить с полной ясностью’. Первое значение возникло на базе свободного словосочетания со значением ‘показать, выставить в лучшем свете’, а второе – на базе того же лексико-грамматического состава, но с совершенно другой образной основой: ‘подытожить’, ‘сделать ясным, понятным’. Или ФЕ *rapier percé* – 1) ‘забывчивый человек’, 2) ‘мот. растратчик’. Вероятнее всего, что оба эти значения возникли на основе ассоциативного сближения дырявой корзины с человеком, у которого ничего не задерживается в памяти или в кармане. Эти значения развивались независимо друг от друга, т.е. в данной ФЕ присутствуют два значения и две внутренних формы.

Что касается мотивирующей функции, то, важно различать, по мнению А.Г.Назаряна, два плана – план порождения и план описания (Назарян, 1987:

38). Именно в плане описания внутренняя форма имеет мотивирующую функцию, т.к. исследование проводится от содержания к форме, когда значение ФЕ заранее известно, и между ним и значением предметно-реальной ситуации довольно легко устанавливается логическая, мотивирующая связь. В результате констатируется факт мотивированности значительной части единиц фразеологического фонда. Например, ФЕ *mettre qn sur les dents* не означает 'класть (положить) кого-либо на зубы', а 'довести до изнеможения, вогнуть в пот'. Зная оба эти значения можно установить мотивирующую связь. В плане же порождения фразеологического значения, от формы к значению, большинство ФЕ оказывается немотивированными, т.к. их значения непредсказуемы, они не могут быть поняты без словаря (Назарян, там же). Таким образом, мотивирующая функция имеет относительный характер, т.к. проявляется только в плане описания.

Стилистическая функция внутренней формы реализуется во фразеологической синонимии как внутри одного языка, так и между языками. В рамках французского языка фразеологическая синонимия представляет большой интерес со стороны её широкого семантического и стилистического диапазона. Так, например, число ФЕ с понятием «умереть» во французском языке приближается к 70: *aller ad patres* (нейтр.), *passer de vie à trépas* (литер.), *finir sa course* (книжн.), *prendre un congé du monde*, *oublier de respirer* (ирон.), *graisser ses bottes* (фам.), *manger les choux par les trognons* (разг.), *faire couic* (прост.), *être chocolat* (арго). Из примеров видно, что при всем различии конкретно-метафорического основания они прочитываются как стереотипы «ухода из жизни, окончания жизни» и интерпретируются как «фигура не на фоне» культурного концепта «смерть», что находит своё отображение в эмотивном отношении и яркой образности (Телия, 1996: 249).

Подводя итог вышеизложенному, скажем, что внутренняя форма ФЕ является средоточием денотативного, сигнификативного и коннотативного значений, а также источником культурно-национальной специфики ФЕ. Внутренняя форма находит своё выражение на трех уровнях: синтаксическом, семантическом и коннотативном. На синтаксическом уровне ФЕ – это устойчивое словосочетание, обладающее семантической целостностью, его лексическое наполнение регулируется внутренней формой, и, следовательно, ФЕ имеет коммуникативную направленность: т.е. фразеологическая единица отображает ситуацию или конкретно какую-либо из её сторон, которая, в свою очередь, и выступает в качестве внутренней формы. На семантическом уровне внутренняя форма ФЕ предопределяет семантическое развитие фразеологизма, и тесно связана с фразеологическим значением. На коннотативном уровне роль внутренней формы значительна, т.к. именно образное содержание и эмоциональная окрашенность фразеологических единиц обеспечивают высокую степень воздействия на слушающего и их широкое употребление в языке. Наличие генетической, мотивирующей и стилистической функций во внутренней форме фразеологизмов помогает более точно определить отображаемую ситуацию и понять национально-культурный характер ФЕ в целом, расшифровать их смысл. Тем самым фразеологизмы выступают своего рода показателями миропонимания французского народа и являются достоянием всей нации.

Литература

- 1 Винокур Г О Филологические исследования Лингвистика и поэтика/ Отв ред Г В Степанов, В П Нерознак – М Наука, 1990 – 451 с
- 2 Кириллова Н Н О денотате фразеологической семантики// Вопросы языкознания - №1 - М, 1986
- 3 Ковшова М Л Культурно-национальная специфика ФЕ (когнитивные аспекты) Автореф дис канд филол наук - М, 1996
- 4 Кунин А В Курс фразеологии современного английского языка – М Высшая школа, Дубна Феникс, 1996
- 5 Назарян А Г Фразеология современного французского языка - М Высшая школа, - 1987
- 6 Телия В Н Русская фразеология Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты - М Школа «Языки русской культуры» - 1996
- 7 Черданцева Т З Идиоматика и культура (постановка вопроса)// Вопросы языкознания - №1 - М Наука, - 1996
- 8 Французско-русский фразеологический словарь Под ред Я И Рецкера, В Г Гака - М Государственное издательство иностранных и национальных словарей 1963
- 9 Le Robert Dictionnaire d'aujourd'hui Sous la red d'Alain Rey - P Dictionnaires de Robert - 1991

МОДЕЛЬ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Кусов Г.В.
Краснодар

Современное состояние научного поиска в лингвистике можно охарактеризовать как изучение языка говорящего человека (*homo loquens*), т.к. во всех областях освоения и познания действительности возрастает роль языка – универсального средства овладения и управления миром, ибо обладая особым информационным кодом, язык несет в себе стереотипы поведения человека, категории социально ориентированной личности. Эта способность языка к накоплению, хранению и передаче информации имеет практическое значение в рамках суггестивной функции языка в виде прикладного использования новых научных разработок в технологиях PR, рекламе, технике правотворчества; функционировании электронных и печатных СМИ; а также нового углубленного научного толкования процессов в смежных областях: в социолингвистике, этнопсихолингвистике, имиджологии, теории массовых коммуникаций, теории судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении и по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации с последующей компенсацией причиненного морального вреда.

Результаты анализа состояния современной русской языковой словоупотребительной традиции подтверждают тезис о девальвации социальных ценностей в массовом сознании, ценностей которые некогда были характерны внешне стабильному общественному развитию. Постепенное отчуждение человека от коллективного восприятия преподносимой действительности и соответственно ожидаемой и управляемой реакции на общественные события при нарастающей общей нестабильности и неуверенности в своем будущем, отсутствие официальной идеологии, имеющей патриотические корни, привело к разрыву ценностной парадигмы (Стернин, 2000: 46).